

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Договорившись по телефону с Ольгой Остроумовой о встрече и поджидая ее потом в назначенное время, я, признаться, испытывал некоторое беспокойство: смогу ли узнать актрису в лицо. Прекрасно помню образы, созданные ею в кино. Но ведь очень уж разные они! Хорошенькая старшеклассница Рита Черкасова из «Доживем до понедельника» и отчаянная зенитчица Женька Комелькова из фильма «А зори здесь тихие...», по-женски мудрая, способная к самоотречению Маня Поливанова из «Любови земной» и «Судьбы» и неуступчивая, даже аскетичная Василиса из «Василия и Василисы»...

Впрочем, все обошлось. И была беседа...

— Ольга Михайловна, как вам удается быть такой разной на экране?

— Чтобы быть разной, актриса должна играть разные роли. Только и всего.

— Только и всего? Но ведь не сами же вы предлагаете себе роли?

— Предлагают режиссеры. Но я могу и отказаться, понимаю? Судите сами, после фильма «А зори здесь тихие...» я не снималась два года, хотя предложений было много. Да только предлагаемые роли все были повторением Женьки, ее характера. А я боюсь этого, очень боюсь! И с самого начала старалась — может быть, это даже принцип мой такой творческий — играть в следующий раз что-то другое. Мне это нужно. Я хочу быть актрисой, а не просто снимающейся в кино. И я ждала...

— Только ли ждали? Насколько я знаю, однажды вы сами подошли к режиссеру и подсказали ему...

— Да нет, я не подходила. Просто позвонила ему... Я тогда только что была принята в труппу Московского ТЮЗа. С головой ушла в театр и совсем не думала о кино. И поэтому, когда мне принесли сценарий фильма «А зори здесь тихие...», я его даже не стала читать. Но вот заметила — ходит не в себе мой однокурсник по ГИТИСу Андрюша Мартынов. Спрашиваю, в чем дело. А он: «Понимаешь — такая роль!» Ну, думаю, не иначе — Гамлет! Оказалось — старшина Васков. В этом самом фильме «А зори здесь тихие...» Прочитала сценарий... И позвонила Росточкову. Я же снималась у него в «Доживем до понедельника». Попросила, если не поздно, дать попробовать. Вот и все...

— Но Росточкий рассказывал о вашем приходе в фильм совсем по-другому. Вот у меня в блокноте — из его рассказа: «Она пришла как бы только для того, чтобы «поболеть» за Мартынова, который пробовался на роль Васкова... Мы поговорили о том, о сем, и в конце беседы Ольга мне сказала: «Вы пробуйте, пробуйте, Станислава Иосифович, а играть Женьку буду я». На первой же пробе она убедила меня, что она была права... Мы пришли в огромный павильон, в котором уже строились наши декорации для «воспоминаний». Ольга присела на барьер строившейся цирковой арены, взяла гитару и запела: «Он говорил мне...» Она пела тогда не так, как потом в картине, без всякой шутовности и ироничности. Она пела всерьез, как поют большие драматические актрисы... И я вдруг увидел, что у Ольги прекрасные Женькины волосы, огромные Женькины зеленые глаза, и почувствовал Женькину чистоту и застенчивость, отчаянность и лихость... А вы говорите: «Вот и все...»

— Недавно была телепередача о Борисе Васильеве — авторе сценария «Зорь...», так он вспоминает обо всем этом что-то свое... Какой-то третий вариант. Сейчас, если честно, уж и не знаю, кто из нас ближе к истине. Но вам я рассказала то, что помню. «...Играть Женьку буду я». Наверное, это для меня была штука такая, как просто «здравствуйте»...

— Как к вам пришла Женька Комелькова, я теперь знаю. А вот как вы дождалась Мани Поливановой у Евгения Матвеева — в «Любови земной» и «Судьбе»?

— На эту роль сначала была приглашена другая актриса. Но она — не знаю уж, по каким причинам — за неделю до съемок отказалась от участия в картине. И мне позвонили... Вроде бы — дело случая... Но, если б я не ждала, скажите, пришла бы ко мне эта роль?..

— За которую вы были удостоены Государственной премии СССР... Скажите, вы когда-нибудь жили в деревне?

— Нет...

— Вы очень убедительно сыграли эту деревенскую женщи-

ной сестры говор, не вологодский... А какой-то особенный, со всеми своими неправильностями, красотою непонятной, удивительной...

— Вот вы сами вспомнили Василису. Как вам удалось в фильме так быстро «состариться»?

— А мне вовсе и не быстро удалось это. Сначала вообще ничего не получалось. Это ведь опять что-то новое, неизведанное. Все какой-то перебор был... Тогда я попросила отложить съемки «пожилых» сцен на потом. Режиссер Ирина Ивановна Поплавская пошла на это. И снимала сначала сцены «воспоминаний» — средний и молодой возраст. Вернее, сперва даже тот, что мне сейчас ближе: средний. И через него я «вошла» в Василису. Потом, когда снимали мою героиню совсем юной, — опять возрастной барьер. Правда, тут уж, я думала, не будет этого барьера — я еще все так хорошо помню из юности своей. Но нет, оказалось, что уже и опыт есть, который мешает «помолодеть», и вообще смотришь на мир не теми гла-

— А если говорить только о зрителе?

— О, это сложно очень... Мне вот важно, чтобы он меня сердцем понял, не умом. Очень обидно было, когда некоторые говорили мне о Василисе: а что же она мужа своего не простила? И я вот думаю: значит, не удалось убедить, не удалось выразить всего.

— Пока что наш разговор — только о кино. Но ведь вы еще и театральная актриса. Играли в театре юного зрителя, потом — в театре на Малой Бронной, сейчас, уже полтора года, работаете в театре имени Моссовета...

— По приглашению играю в одном спектакле Московского театра миниатюр...

— Так кто же вы больше — театральная или киноактриса?

— А я не совсем понимаю — зачем вы задаете такой вопрос? Традиционный вопрос, да? Актриса кино ли, театра ли — разница тут только в специфике игры, работы, а к ней приспосабливаешься быстро. В постижении же роли — разницы нет.

«Когда я — актриса...»

зами, что в восемнадцать лет. Работа, работа... Ошибки. Насколько. Вот как-то так я и «состарилась», понимаете?

— Всегда ли понимали вас Поплавская — режиссер?..

— Я никогда ни с одним режиссером так не спорила на съемочной площадке, как с Поплавской, — искры высекали! И мы обе понимали, что ищем истину. Снимали один дубль — как она предлагала, а другой — как предлагала я. И я очень благодарна Ирине Ивановне за это. А в конце работы над фильмом я просто чудом какое-то пережила. Потому что, кажется, все могла... И я уже совершенно не готовилась ни к старухе, ни к молодой — просто переодевалась в нужный костюм и становилась той, кем хотела.

— Вы переживаете роль только перед камерой или же переживания эти завладевают вами на более длительное время?

— Переживания — это слово здесь недостаточно. Да, когда перед камерой, — переживаю. А главное — думаю, думаю, все время думаю над предложенной мне ситуацией, над предложенной мне судьбой. Я не хочу оправдывать в чем-то свою героиню или как-то, наоборот, обличать ее... Важно создать сложность. В создаваемом образе должно быть и то, и то, и то... Много тут зависит от литературного материала. Вот «Василия и Василиса» — по замечательному рассказу Валентина Распутина. Такая литература, когда она в основе сценария, буквально тянет актера за собой. В фильме этом — он и она... Они прожили вместе двадцать лет. Воспитали семерых детей. И случился такой день, когда Василий жестоко обидел жену. Не простила Василиса мужа, прогнала. И тридцать лет он прожил в амбаре, в двух шагах от родного дома... И вот я все время думала: ну как они там? Ну что у них там? Да, Василиса не могла простить... Но не это я играла. Тут ведь так: ум говорит одно, а сердце — другое. А что пересиливает? Василиса понимала умом, что для детей, для семьи нужно, конечно, чтобы все было по-другому, чтобы не жил Василий в том амбаре. А сердце... Есть ведь такие вещи, которые не прощаются вообще. Но знаете, чем для меня велика эта женщина? Тем что она — го-

Я — актриса. Вот и ответ.

— Тогда еще один традиционный: чем вы больше довольны — своей работой в театре или в кино? Что вам принесло большее удовлетворение?

— Вот если бы вы спросили об этом года два назад, я бы сказала: больше довольна работой в кино. Там у меня роли были значительнее, объемнее, что ли... А сейчас, когда играю в театре имени Моссовета в спектакле по повести Греновой «Вдовый пароход», у меня как-то все уравнилось. Очень люблю этот спектакль, глубокий он, сложный, интересный.

— А в театре миниатюр?..

— Там играю сразу четыре роли в одном спектакле — «Здравствуйте, господин де Мопассан».

— Итак, роли и — ожидание ролей...

— Да, именно так. Особенно в кино. Понимаете, получают какие-то перерывы — в два, два с половиной года между приметными ролями. А может, и вправду между ними должен быть какой-то воздух?..

— И все же, признайтесь, переживать такие перерывы не просто?

— А я лучше признаюсь вам в другом. У меня есть семья, двое детей. Я их люблю. И мне нравится быть рядом с ними. Я, поверьте, не испытываю раздражения, что я вот сейчас дома, а не на съемках. Правда, бывает иногда, что я и засомневаюсь: а может быть, я зря так привередничаю, перебираю роли? Может, наоборот, дорожка каждым днем, нужно постоянно браться в кино и за ту, и за эту работу? А я все жду...

— Говорят, самое трудное — ждать и догонять...

— Говорят... Но, кстати, я опять дождалась! Не знаю еще, что получится, но дождалась.

— Предложили хорошую роль?

— Да. Есть такой писатель — Анатолий Ким, знаете? И он сейчас написал сценарий фильма «Сестра моя Люся». Снимается картина будет в Алма-Ате. И я там буду играть. Сценарий, поверьте, замечательный. Конечно, сценарий — еще не фильм. Но роль-то ко мне уже пришла. Опять пришла! Вот видите — все-таки правильно я делаю, что жду...

Договорившись по телефону с Ольгой Остроумовой о встрече и поджидая ее потом в назначенное время, я, признаюсь, испытывал некоторое беспокойство: смогу ли узнать актрису в лицо. Прекрасно помню образы, созданные ею в кино. Но ведь очень уж разные они! Хорошенькая старшеклассница Рита Черкасова из «Доживем до понедельника» и отчаянная зенитчица Женька Комелькова из фильма «А зори здесь тихие...», по-женски мудрая, способная к самоотречению Маня Поливанова из «Любви земной» и «Судьбы» и неуступчивая, даже аскетичная Василиса из «Василия и Василисы»...

Впрочем, все обошлось. И была беседа...

— Ольга Михайловна, как вам удается быть такой разной на экране?

— Чтобы быть разной, актриса должна играть разные роли. Только и всего.

— Только и всего? Но ведь не сами же вы предлагаете себе роли?

— Предлагают режиссеры. Но я могу и отказаться, понимаете? Судите сами, после фильма «А зори здесь тихие...» я не снималась два года, хотя предложений было много. Да только предлагаемые роли все были повторением Женьки, ее характера. А я боюсь этого, очень боюсь! И с самого начала старалась — может быть, это даже принцип мой такой творческий — играть в следующий раз что-то другое. Мне это нужно. Я хочу быть актрисой, а не просто снимающейся в кино. И я ждала...

— Только ли ждали? Насколько я знаю, однажды вы сами подошли к режиссеру и подсказали ему...

— Да нет, я не подходила. Просто позвонила ему... Я тогда только что была принята в труппу Московского ТЮЗа. С головой ушла в театр и совсем не думала о кино. И поэтому, когда мне принесли сценарий фильма «А зори здесь тихие...», я его даже не стала читать. Но вот заметила — ходит не в себе мой однокурсник по ГИТИСу Андрюша Мартынов. Спрашиваю, в чем дело. А он: «Понимаешь — такая роль!» Ну, думаю, не иначе — Гамлет! Оказалось — старшина Васков. В этом самом фильме «А зори здесь тихие...» Прочитала сценарий... И позвонила Росточкому. Я же снималась у него в «Доживем до понедельника». Попросила, если не поздно, дать попробовать. Вот и все...

— Но Росточкий рассказывал о вашем приходе в фильм совсем по-другому. Вот у меня в блокноте — из его рассказа: «Она пришла как бы только для того, чтобы «поболеть» за Мартынова, который пробовался на роль Васнова... Мы поговорили о том, о сем, и в конце беседы Ольга мне сказала: «Вы пробуйте, пробуйте. Станислав Исифович, а играть Женьку буду я». На первой же пробе она убедила меня, что она была права... Мы пришли в огромный павильон, в котором уже строились наши декорации для «воспоминаний», Ольга присела на барьер строившейся цирковой арены, взяла гитару и запела: «Он говорил мне...» Она пела тогда не так, как потом в картине, без всякой шутовщины и ироничности. Она пела всерьез, как поют большие драматические актрисы... И я вдруг увидел, что у Ольги прекрасные Женькины волосы, огромные Женькины зеленые глаза, и почувствовал Женькину чистоту и застенчивость, отчаянность и лихость... А вы говорите: «Вот и все...»

— Недавно была телепередача о Борисе Васильеве — авторе сценария «Зорь...», так он вспоминает обо всем этом что-то свое... Какой-то третий вариант. Сейчас, если честно, уж и не знаю, кто из нас ближе к истине. Но вам я рассказывала то, что помню. «...Играть Женьку буду я». Наверное, это для меня была шутка такая, как просто «здравствуйте»...

— Как к вам пришла Женька Комелькова, я теперь знаю. А вот как вы дождались Мани Поливановой у Евгения Матвеева — в «Любви земной» и «Судьбе»?

— На эту роль сначала была приглашена другая актриса. Но она — не знаю уж, по каким причинам — за неделю до съемок отказалась от участия в картине. И мне позвонили... Вроде бы — дело случая... Но, если б я не ждала, скажите, пришла бы ко мне эта роль?..

— За которую вы были удостоены Государственной премии СССР... Скажите, вы когда-нибудь жили в деревне?

— Нет...

— Вы очень убедительно сыграли эту деревенскую женщину.

— Я — актриса. Я должна уметь все. Когда мы играем в театре Шекспира, почему-то никто не задает вопроса: а как вы, не живящие в ту эпоху... Вот после фильма «А зори здесь тихие...» ко мне подходили люди, прошедшие войну, женщины особенно, и говорили: вы из того времени... Значит, главное — не просто знать, нужно почувствовать время, которое играешь... Посмотрите на фотографии тех лет — и взгляд-то у людей чуть-чуть другой. Или вот в «Василии и Василисе» я получаю похоронки — как я могу знать такое? Ну как?.. Догадка какая-то здесь требуется. Догадка, интуиция... Само знание — только первая ступень. Вот ваш вопрос о деревне... Конечно, не так уж я ее не знаю, хотя родилась в городе, в Куйбышев. Девчонкой проводила лето в деревне, у бабушки. Там, в Алексеевке, у мамы восемь сестер было. Кстати, моя Василиса и говорит-то в фильме, как тетя Дуся, мама сестра. Это, конечно, не значит, что я помнила мелодию ее речи. Я, вроде бы, и не помнила совсем. Но вот потребовалось — и в памяти совершенно отчетливо всплыл ее голос. Не рязанский был у мамин

ной сестры говор, не вологодский... А какой-то особенный, со всеми своими неправильностями, красотой непонятной, удивительной...

— Вот вы сами вспомнили Василису. Как вам удалось в фильме так быстро «состариться»?

— А мне вовсе и не быстро удалось это. Сначала вообще ничего не получалось. Это ведь опять что-то новое, неизведанное. Все какой-то перебор был... Тогда я попросила отложить съемки «пожилых» сцен на потом. Режиссер Ирина Ивановна Поплавская пошла на это. И снимала сначала сцены «воспоминаний» — средний и молодой возраст. Вернее, сперва даже тот, что мне сейчас близи: средний. И через него я «вошла» в Василису. Потом, когда снимала мою героиню совсем юной, — опять возрастной барьер. Правда, тут уж, я думала, не будет этого барьера — я еще все так хорошо помню из юности своей. Но нет, оказалось, что уже и опыт есть, который мешаает «помолодеть», и вообще смотришь на мир не теми гла-

— А если говорить только о зрители?

— О, это сложно очень... Мне вот важно, чтобы он меня сердцем понял, не умом. Очень обидно было, когда некоторые говорили мне о Василисе: а что же она мужа своего не простила? И я вот думаю: значит, не удалось убедить, не удалось выразить всего.

— Пока что наш разговор — только о кино. Но ведь вы еще и театральная актриса. Играли в театре юного зрителя, потом — в театре на Малой Бронной, сейчас, уже полтора года, работаете в театре имени Моссовета...

— По приглашению играю в одном спектакле Московского театра миниатюр...

— Так кто же вы больше — театральная или киноактриса?

— А я не совсем понимаю — зачем вы задаете такой вопрос? Традиционный вопрос, да? Актриса кино ли, театра ли — разница тут только в специфике игры, работы, а к ней приспособляешься быстро. В постижении же роли — разницы нет.

«Когда я — актриса...»

зами, что в восемнадцать лет. Работа, работа... Ошибки. Находки. Вот как-то так я и «состарилась», понимаете?

— Всегда ли понимала вас Поплавская — режиссер?..

— Я никогда ни с одним режиссером так не спорила на съемочной площадке, как с Поплавской, — искры высекали! И мы обе понимали, что ищем истину. Снимали один дубль — как она предлагала, а другой — как предлагала я. И я очень благодарна Ирине Ивановне за это. А в конце работы над фильмом я просто чудо какое-то пережила. Потому что, кажется, все могла... И я уже совершенно не готовилась ни к старухе, ни к молодухе — просто передевалась в нужный костюм и становилась той, кем хотела.

— Вы переживаете роль только перед камерой или же переживания эти завладевают вами на более длительное время?

— Переживания — это слово здесь недостаточно. Да, когда перед камерой, — переживаю. А главное — думаю, думаю, все время думаю над предложенной мне ситуацией, над предложенной мне судьбой. Я не хочу оправдывать в чем-то свою героиню или как-то, наоборот, обличать ее... Важно создать сложную. В создаваемом образе должно быть и то, и то, и то... Много тут зависит от литературного материала. Вот «Василия и Василиса» — по замечательному рассказу Валентина Распутина. Такая литература, когда она в основе сценария, буквально тянет актера за собой. В фильме этом — он и она... Они прожили вместе двадцать лет. Воспитали семерых детей. И случился такой день, когда Василий жестоко обидел жену. Не простила Василиса мужа, прогнала. И тридцать лет он прожил в амбаре, в двух шагах от родного дома... И вот я все время думала: ну как они там? Ну что у них там? Да, Василиса не могла простить... Но не это я играла. Тут ведь так: ум говорит одно, а сердце — другое. А что переживает? Василиса понимала умом, что для детей, для семьи нужно, конечно, чтобы все было по-другому, чтобы не жил Василий в том амбаре, а сердце... Есть ведь такие вещи, которые не прощаются вообще. Но знаете, чем для меня велика эта женщина? Тем, что она — гордая, самолюбивая, непреклонная — в конце жизни вдруг усомнилась в своей правоте! Человек в таком возрасте, когда и чувства, кажется, уже неостеенеют, и вдруг — усомнилась... Я и сцену прощания с Василием играла не как прощание, а как прощение.

— Вам довелось прикоснуться к таким разным судьбам... Скажите, Ольга Михайловна, на ваш характер, на ваше, скажем так, мироощущение, они наносят какой-то отпечаток?

— Ну, не знаю... Впрочем, это ведь, наверное, не зря говорят, что характер с годами портится. А если быть точным, — меняется он. Жизнь постоянно что-то с ним делает. Значит, тут надо подумать: а какая она, жизнь? Что ты в ней видел? Что ты в этой жизни сделал? О чем ты в ней думал? С чем столкнулся? С какими людьми? И от меня, раз уж такая профессия, от моего характера, тоже что-то должно переходить в мои роли, так ведь? Но это — если стараться работать глубоко. А по поверхности гладить — никакой связи, ни в ту, ни в эту сторону, конечно, не будет. И потом, если я надеюсь, что в зрители мои героини что-то шевельнут, то, наверное, на меня они должны повлиять и подавно?

Я — актриса. Вот и ответ.

— Тогда еще один традиционный: чем вы больше довольны — своей работой в театре или в кино? Что вам принесло большее удовлетворение?

— Вот если бы вы спросили об этом года два назад, я бы сказала: больше довольна работой в кино. Там у меня роли были значительнее, объемнее, что ли... А сейчас, когда играю в театре имени Моссовета в спектакле по повести Грековой «Вдовой паром», у меня как-то все уравнилось. Очень люблю этот спектакль, глубокий он, сложный, интересный.

— А в театре миниатюр?..

— Там играю сразу четыре роли в одном спектакле — «Здравствуйте, господин Мопассан».

— Итак, роли и — ожидание ролей...

— Да, именно так. Особенно в кино. Понимаете, получаются какие-то перерывы — в два, два с половиной года между приметными ролями. А может, и вправду между ними должен быть какой-то воздух?..

— И все же, признайтесь, переживать такие перерывы не просто?

— А я лучше признаюсь вам в другом. У меня есть семья, двое детей. Я их люблю. И мне нравится быть рядом с ними. Я, поверьте, не испытываю раздражения, что я вот сейчас дома, а не на съемках. Правда, бывает иногда, что я и засомневаюсь: а может быть, я зря так привередничаю, перебираю роли? Может, наоборот, дорожка каждым днем, нужно постоянно браться в кино и за ту, и за эту работу? А я все жду...

— Говорят, самое трудное — ждать и догонять...

— Говорят... Но, кстати, я спясть дождалась! Не знаю еще, что получится, но дождалась.

— Предложили хорошую роль?

— Да. Есть такой писатель — Анатолий Ким, знаете? И он сейчас написал сценарий фильма «Сестра моя Люся». Сниматься картина будет в Алма-Ате. И я там буду играть. Сценарий, поверьте, замечательный. Конечно, сценарий — еще не фильм. Но роль-то ко мне уже пришла. Опять пришла! Вот видите — все-таки правильно я делаю, что жду...

— Вы счастливый человек?

— По всему так получается...

— Многим работа, жизнь артиста представляют чем-то праздничным, красивым. Давайте «просмотрим» один день из жизни актрисы? Какой он? В опровержение таких взглядов.

— А зачем опровергать? Я вот раньше во всех интервью говорила, что я и у плиты стою, как все, и в очередях, что толкают меня в автобусах, троллейбусах... Не верят! Теперь же задумалась — а нужно ли об этом рассказывать? Должна ведь быть вокруг моей профессии какая-то тайна, флер актерский. Ведь давно замечено: если вы узнали актера в быту, — его потом труднее воспринимать в ролях. Так пусть будет тайна! Пусть я буду чуть-чуть не такая, как все. Потому что — актриса. Как-то двое мужчин начали в троллейбусе спорить между собой: я это или не я. И выиграл тот, который не узнал меня. А почему? Потому что я была усталая, потому что я была с сумкой, была озабоченная. И хорошо, что не узнали. Не надо. Пусть меня узнают, когда я без хозяйственной сумки. Когда я — актриса.

Беседу вел С. ПЯТКОВСКИЙ.